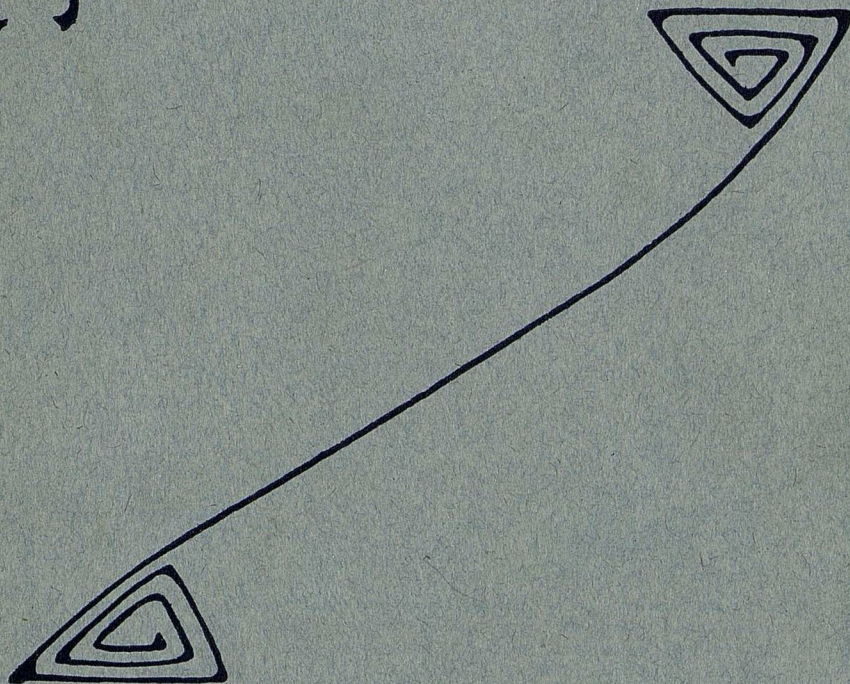

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 13.

15 Юля
1907 г.

ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ ПИЩА

ФАБРИКИ ТОВАРИЩЕСТВА

„Р. КЁЛЕРЪ и К° въ МОСКВѢ“

не есть подражаніе общезвѣстнымъ питательнымъ препаратамъ для дѣтей, какъ молочная мука Нестле, мука Neaves'a, Mellin's food и т. п., а представляетъ собой по новымъ научнымъ даннымъ составленный препаратъ, который былъ испытанъ въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, одобренъ и тамъ теперь введенъ въ употребленіе. Клиническія наблюденія, произведенныя весной и лѣтомъ сего года надъ „Дѣтской молочной пищей“, по свидѣтельству Главнаго Доктора Москов. Воспитательнаго Дома, Д-ра А. Н. Устинова, показали, что

„она легко переваривается и усваивается дѣтьми какъ старшаго, такъ и младшаго возраста, и въ особенности полезна для страдающихъ желудочно-кишечными расстройствами, такъ какъ при правильномъ употребленіи этой пищи, при строгомъ соблюденіи 4-хъ часовыхъ промежутковъ кормленія, отправленія кишечника регулируются, у ребенка является спокойный сонъ, онъ крикнетъ и быстро прибываетъ въ вѣсь.“

Одно изъ преимуществъ „Кёлеровской дѣтской молочной пищи“ заключается еще въ томъ, что она уже сама содержитъ молоко въ достаточномъ количествѣ въ сухомъ видѣ и поэтому при пользованіи ею нѣтъ надобности прибавлять ее къ молоку, которое не всегда можно имѣть одинаково доброкачественное и отъ здоровой коровы.“

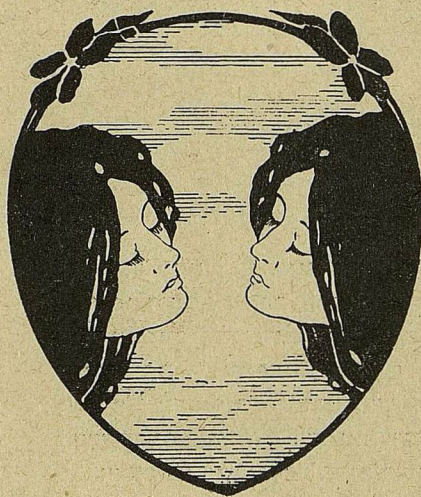
Столь-же благоприятныя отзывы объ „Дѣтской молочной пищѣ“ даны Профессоромъ Военно-Медицинской Академіи Н. П. Гундобинымъ, Главнымъ Докторомъ Николаевской Дѣтской больницы въ С.-Петербургѣ Н. К. Вязлинскимъ и другими врачами, производившими надъ этой молочной пищей наблюденія.

Рамки газетнаго объявленія не позволяютъ излагать какъ научныя основанія, на которыхъ выработанъ этотъ препаратъ, такъ и химическій его составъ, а равно приводить подробныя удостовѣренія испытавшихъ его врачей-специалистовъ. Все это имѣется въ подробномъ описаніи, составленномъ заведующимъ отдѣленіемъ питательныхъ веществъ фабрики Товарищества „Р. Кёлеръ и К° въ Москвѣ“, изобрѣтателемъ этого препарата, докторомъ хміи К. Пале. Описаніе это раздается во всѣхъ магазинахъ Т-ва бесплатно.

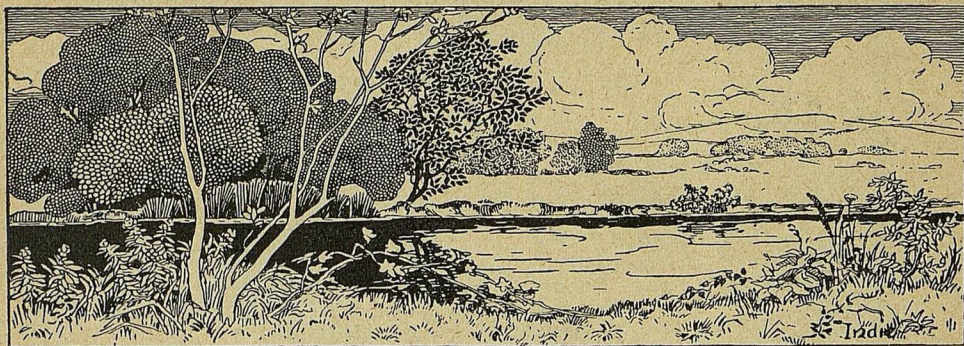
Цѣна за фунтовую жестянку 1 руб. 20 коп.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

№ 13.

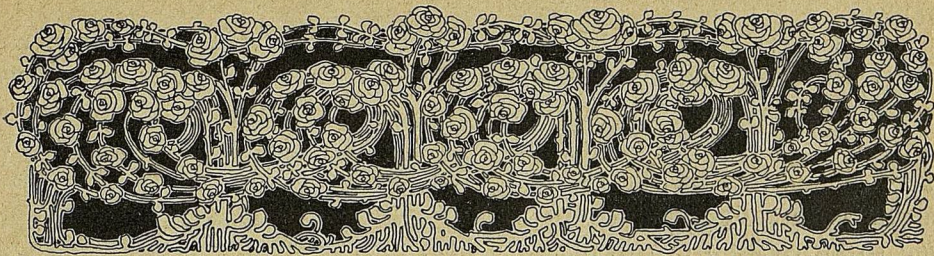
15 Юля ==
== 1907 г.

* * *

Їдемъ по степи мы. Солнце зашло;
Красной полоской заря догораетъ;
Все понемногу темнѣетъ, смолкаетъ,
Запахомъ травъ полевыхъ понесло.
Копны стоятъ близъ дороги рядами,
Будто пустынныхъ степей сторожа;
Мухи надъ нами летаютъ, жужжа;
Звонко кузнечикъ трещитъ подъ ногами.
Гдѣ-то за балкой мелькнулъ огонекъ.
Больше и больше все кроется мглою...
Вотъ заблестѣла рѣка половою...
Трогай-же конь мой:—ужъ домъ недалекъ!

Петровъ-Леонидовъ.

Морганъ.

Морганъ все свое рекреационное время проводилъ въ играхъ съ учениками старшихъ классовъ, но на урокахъ сидѣлъ съ малышами.

Не его была вина, если его ростъ не соотвѣтствовалъ его познаниямъ. Во-первыхъ, онъ очень недавно началъ учиться читать, а во-вторыхъ, стоило ему только присѣсть, какъ сонъ, несмотря на всѣ его добрыя намѣренія заниматься, смыкалъ ему очи и онъ засыпалъ.

Но за то на свѣжемъ воздухѣ сонливость моментально оставляла его; какъ блестяли его глаза, какъ выпрямлялись его гибкіе и сильные члены, какими ловкими прыжками онъ достигалъ намѣченной цѣли! Онъ самъ не затѣвалъ никакихъ игръ, онъ не былъ вожакомъ, а только слѣпымъ исполнителемъ даваемыхъ ему приказаній. Стоило только сказать: „Морганъ, бѣги!“ и онъ устремлялся на своихъ противниковъ съ яростью, словно на добычу; „тебѣ бросать, Морганъ!“ и его мячъ попадалъ въ цѣль съ мѣткостью стрѣлы индѣйца.

Онъ былъ самымъ добрымъ мальчикомъ въ школѣ, но благодаря постоянной смѣнѣ переживаемыхъ имъ впечатлѣній и благодаря еще тому, что онъ одинаково скоро подпадалъ подъ вліяніе каждаго, всѣ были ему товарищи, но никто не могъ назваться его другомъ.

Морганъ никогда не носилъ шляпы; природа надѣлила его такой густой шапкой волосъ, съ которой не могла бы сравниться ни одна шляпа, ни одна фуражка; благодаря, должно быть, черному цвѣту кожи, онъ безумно любилъ бѣлый цвѣтъ и ему доставляло громадное удовольствіе быть одѣтымъ въ бѣлое.

Его кожа была совершенно черная, но какая красивая и блестящая!

Это былъ негръ цвѣта самаго прекраснаго эбеноваго (чернаго) дерева, съ не очень приплюснутымъ носомъ и съ не очень толстыми губами.

Вы легко, конечно, поймете, съ какимъ жаднымъ и нескрываемымъ любопытствомъ дѣти смотрѣли на него, какъ они ежечасно, ежеминутно забрасывали его вопросами. На всѣ распросы товарищей относительно его отчизны, семьи, путешествія, Морганъ широко раскрывалъ глаза волновался и лепеталъ:

„Морганъ не знаетъ. Морганъ пріѣхалъ далеко, очень далеко, на большая рѣка... Люди злые, а господинъ Легэ, она добрая, очень добрая. Она отнять Моргана у злой люди. Маленькая французы тоже хорошая, добрая!“

Его объясненія настолько не ясны, что я вижу себя вынужденнымъ разсказать исторію маленькаго негра, и надѣюсь, что она вамъ покажется интересной.

* *
*

21-го октября 1860 года парусное судно джеллабовъ, торговцевъ неграми, плывя внизъ по Нилу, бросило якорь у береговъ Кенеха, одного изъ главнѣйшихъ городовъ Верхняго Египта. Весь грузъ состоялъ изъ шестидесяти женщинъ и дѣтей, украденныхъ въ деревняхъ Сенаара. Ихъ съ караваномъ доставили въ Эсnehъ: здѣсь ихъ посадили на корабль и повезли въ Каиръ, гдѣ работоторговцы надѣялись выгодно ихъ продать. Среди этихъ несчастныхъ находился молодой мальчикъ лѣтъ 13-ти или 14-ти. Онъ былъ сильнѣе и красивѣе всѣхъ остальныхъ, а потому и хозяева выказывали ему явное предпочтеніе передъ другими. Онъ былъ такъ красивъ и силенъ, что они не жалѣли тѣхъ 400 піастровъ (40 рублей), которые имъ пришлось за него уплатить на таможнѣ.

„Моргана мы ужъ, конечно, не продадимъ меньше, какъ за 80 фунтовъ стерлинговъ (800 рублей)“ говорили они между собою. Благодаря тѣмъ упованіямъ, которыя джеллабы возлагали на Моргана, ему сравнительно жилось легче, чѣмъ остальнымъ его товарищамъ. Ремень изъ гиппопотамской кожи только рѣдко дотрагивался до его плечъ и при раздачѣ варенаго рису, ему всегда выпадала львиная доля.

Морганъ не давалъ себѣ, конечно, яснаго отчета въ поведеніи этихъ людей и хотя чувствовалъ къ нимъ извѣстнаго рода признательность за ихъ доброе къ нему отношеніе, въ особенности когда его надѣляли обильными порціями рису, онъ все-таки не могъ никакъ свыкнуться съ постигшей его неволей. Если даже врожденная покорность его расы и могла бы съ этимъ примириться, то годы его, требующіе движенія, свободы, сильно протестовали противъ этого подневольнаго бездѣйствія. Онъ происходилъ изъ сильнаго и ловкаго племени; все его дѣтство протекло или въ лѣсахъ, гдѣ онъ по цѣлымъ днямъ бѣгалъ, рыскалъ, лазилъ по банановымъ деревьямъ, или у берега рѣки, гдѣ онъ любилъ брызгаться, плавать, кататься въ лодкѣ. А теперь? Какая страшная переменѣна въ его жизни! Ночь онъ проводитъ на днѣ барки съ шестьюдесятью товарищами по несчастью; всѣ лежатъ почти другъ на другѣ въ душливой зараженной атмосферѣ; днемъ онъ или стоитъ на палубѣ, или чинно идетъ по берегу рядомъ съ другими подъ бдительнымъ глазомъ и немилосерднымъ кнутомъ хозяина. Было отчего заболѣть и придти въ отчаяніе!

Морганъ между тѣмъ не худѣлъ. А все потому, что если и были у него невзгоды, то были и радости: онъ очень любилъ рисъ.

Однажды утромъ, когда всѣ невольники были въ сборѣ на палубѣ, гдѣ они могли, по крайней мѣрѣ, дышать свѣжимъ воздухомъ, ихъ внезапно увели внизъ и заперли въ трюмъ. Черезъ нѣсколько минутъ рядомъ, совсѣмъ близко отъ нихъ, раздался страшный шумъ и они почувствовали, какъ ихъ неустойчивое судно закачалось на заволновавшейся рѣкѣ. Мало-по-малу все, однако, успокоилось и шумъ прекратился. Тогда имъ снова разрѣшили вернуться на палубу; тутъ они замѣтили, что ихъ обогнала какая то громадная машина, мчавшаяся со страшной быстротой, оставляя за собою густые клубы дыма.

Къ вечеру того же самаго дня ихъ барка со всѣмъ своимъ чернымъ грузомъ прибыла въ Кенехъ. Заперевъ въ трюмъ всѣхъ рабовъ, хозяева поспѣшили отправиться въ городъ, чтобы немного погулять и отдохнуть отъ утомительнаго переѣзда.

Кенехъ большой городъ съ тремя мечетями, съ пятью или шестью рынками и множествомъ ресторановъ, куда собственно и направились наши знакомцы; они столько выпили арака (рисовой водки), что къ ночи были совершенно пьяны и не могли никакъ попасть на свое

судно. А здѣсь всѣ спали крѣпкимъ сномъ, только одна изъ ихъ жертвъ не спала: это былъ Морганъ. Впечатлѣнія смѣнялись одно за другимъ: неподвижность и безмолвіе послѣ стремительнаго хода невѣдомой доселѣ машины, пролетѣвшей мимо съ такимъ страшнымъ шумомъ; онъ весь былъ охваченъ какой-то лихорадкой, не позволявшей ему сомкнуть глазъ.

Весь съезжившись, сидѣлъ онъ съ устремленными глазами въ темноту, гдѣ вповалку спали его товарищи. Сквозь плохо закрытый люкъ проникала слабая струйка свѣта; его взоръ совершенно нечаянно упалъ на громадное бревно, вдоль котораго скользилъ этотъ блѣдный лучъ. Тогда онъ всталъ и, не отдавая себѣ самъ хорошо отчета въ своемъ поступкѣ, перешагнувъ черезъ двухъ или трехъ крѣпко спавшихъ товарищей и достигъ конца бревна, за которое онъ ухватился обѣими руками. Инстинктивно члены его напряглись, ноги обхватили бревно и черезъ нѣсколько минутъ онъ ударился лбомъ о люкъ. Свѣтъ тогда упалъ прямо на него. Желая совсѣмъ открыть люкъ, онъ еще разъ сильно ударилъ въ него своей курчавой головой, послѣ чего опять что-то громко скрипнуло.

Въ ужасѣ Морганъ чуть было не выпустилъ бревна, за которое цѣпко держался, но уже въ слѣдующую за этимъ минуту, въ немъ зародилась мысль, сначала смутная, затѣмъ ясная и опредѣленная. Онъ сталъ прислушиваться: никто не двигался, все безмолствовало, за то надъ его головою, благодаря образовавшемуся отверстию, свѣтъ сильно увеличился. Онъ протянулъ руку и, когда ему удалось просунуть ее въ образовавшуюся скважину, онъ осторожно сталъ толкать вверхъ, желая всячески приподнять трапъ, но на сей часъ же безуспѣшно. Онъ возобновилъ снова свою попытку, призывая на помощь всю силу своего кулака. Напрасный трудъ. Второй ударъ головой заставилъ трапъ подняться не болѣе, какъ на два пальца, причемъ опять раздался предательскій трескъ. Онъ пріостановился, хотя не чувствовалъ уже такого страха, что въ первый разъ. Онъ трезво взвѣсилъ всю опасность, которой онъ себя подвергалъ и рѣшеніе его стало непоколебимо. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова принялся за дѣло. Отнынѣ, какъ руки, такъ и голова терпѣли полную неудачу: трапъ не поддавался. Неужели же тѣмъ и кончится задуманное предпріятіе? Онъ уже предвкушалъ волю, видѣлъ вдали, давно желанную, свободу, а теперь, что же? Опять вернуться въ рабство, которое ждало его тамъ, внизу, въ темнотѣ? Нѣтъ, этому не бывать!

Но утомленные отъ столькихъ усилій члены измѣнили ему: онъ сорвался съ бревна и упалъ.

Онъ сѣлъ на корточки и предался самому глубокому размышленію. Почувствовавъ, однако, струю свѣжаго воздуха, врывавшуюся черезъ продѣланную имъ щель, онъ поднялъ глаза и увидѣлъ полосу яснаго неба.

Сила и отвага вернулись и двумя прыжками онъ достигъ верхушки бревна, тогда онъ перевернулся внизъ головою и просунувъ ноги въ отверстіе, напрягъ всѣ силы и такъ ударилъ въ трапъ, что послѣдній поддался, испуская жалобный визгъ.

На сей разъ, несмотря на свое рѣшеніе, Морганъ такъ испугался своего успѣха, что готовъ былъ спуститься внизъ при первой опасности. Просунувъ съ необычайной осторожностью голову, онъ удостовѣрился, что наверху все тихо. Морганъ рѣшился подняться на палубу.

Судно стояло на якорѣ довольно далеко отъ берега, приблизительно на разстояніи 250—300 саж. Вдоль берега возвышалась какая-то гигантская машина, подобная той, какую днемъ издали видѣли невольники. Теперь она не двигалась, словно отдыхала и не испускала никакого звука. Вдали виднѣлись бѣлыя стѣны города. Ночь была свѣтлая и теплая; ни единого шороха, ни единого дуновенія въ воздухъ!

Морганъ, медленно подкрадываясь, подошелъ къ борту, обращенному въ сторону города. Въ тотъ самый моментъ, когда онъ уже заносилъ ногу, чтобы встать на самый бортъ и оттуда прыгнуть въ море, раздался возлѣ него крикъ, и онъ почувствовалъ, какъ кто-то схватилъ его за платье.

Тутъ спалъ сторожъ; мальчикъ его въ темнотѣ не замѣтилъ.

Крикъ матроса разбудилъ другого, спавшаго невдалекѣ. Онъ быстро вскочилъ на ноги и спросилъ, что случилось? Казалось бы, что несчастный молодой невольникъ долженъ былъ разстаться со своими мечтами. Но къ счастью, Морганъ быстрымъ движеніемъ разорвалъ и сбросилъ съ себя рубашку, клокъ отъ которой остался въ рукахъ сторожа; онъ вскочилъ на бортъ, откуда устремился въ воду, нырнулъ, чтобы скрыться, а потомъ, быстро разсѣкая воду руками и ногами, поплылъ дальше и скорѣ достигъ земли.

Тѣмъ временемъ оба матроса, сильно взволнованные, бѣжали по палубѣ, ругаясь и крича; шлюпку, на которой они могли бы догнать

бѣглеца, взяли съ собой для переправы въ городъ джеллабы, а броситься за нимъ въ погоню вплавъ они вовсе не были намѣрены. Единственно, что они въ данную минуту сочли нужнымъ сдѣлать,—это закрыть снова люкъ. Затѣмъ они стали ждать утра.

Какъ только маленькій негръ очутился на берегу, онъ пустился бѣжать по направленію къ городу. Не успѣлъ онъ сдѣлать еще и пятидесяти шаговъ, какъ онъ, о ужасъ, увидѣлъ идущихъ къ нему навстрѣчу его хозяевъ-джеллабовъ, которые, повидимому, возвращались на судно. Ни одного дерева, за которымъ онъ могъ бы скрыться, ни одного дома, ни одной стѣны, у которой онъ могъ бы прижаться...

Онъ пережилъ столько волненій за послѣдній часъ, что силы и храбрость его окончательно покинули. Онъ легъ на землю, дрожа всѣмъ тѣломъ и безропотно покоряясь своей участи.

Вотъ подошли джеллабы: одинъ изъ нихъ наклонился уже къ мальчику, вотъ онъ сейчасъ схватитъ его. Но, нѣтъ, онъ его даже не замѣтилъ, а просто споткнулся, потому что сильно былъ пьянъ, и пошелъ дальше.

Морганъ быстро поднялся и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, самъ не зная куда. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова очутился на берегу Нила, но довольно далеко отъ мѣста, гдѣ причалила ихъ барка. Онъ увидѣлъ крошечную лодку и сѣлъ въ нее. У него созрѣлъ планъ: въ то время, какъ его будутъ искать въ Кенехѣ, онъ будетъ на противоположномъ берегу. Онъ принялся грести, что есть мочи. Сначала все шло хорошо, такъ какъ рѣка была совершенно спокойна, но плаваніе по Нилу вообще очень опасно и полно всякихъ превратностей, которыя могутъ одолѣть пароходы и большія суда, но никакъ не такая лодочка, какая была у Морганъ. Малѣйшая неосторожность и все погибло. Къ довершенію всѣхъ несчастій Морганъ былъ совершенно неопытнымъ гребцомъ.

Онъ благополучно переплылъ половину рѣки и уже видѣлъ чернѣющуюся вдаль низкую полоску земли, какъ вдругъ его ладья, подхваченная теченіемъ, завертѣлась, словно орѣховая скорлупка, которую сильный порывъ вѣтра не замедлитъ опрокинуть.

Нашъ бѣдный Морганъ снова очутился въ водѣ и на сей разъ безъ всякаго съ его стороны желанія. Но, благодаря тому, что онъ гораздо искуснѣе разсѣкалъ волны руками, нежели веслами, ему скоро удалось выбраться изъ теченія, представляющаго изъ себя въ этомъ мѣстѣ лишь узкую полоску.

Далѣе онъ спокойно доплылъ до ближайшаго берега и, растянувшись на илѣ, принялся размышлять о своемъ положеніи.

Восходящее солнышко застало его спящимъ спокойнымъ подкрѣпляющимъ сномъ. Его разбудили нѣжные поцѣлуи свѣтила, этого покровителя всѣхъ бѣглыхъ невольниковъ. Пріятная теплота разлилась по всѣмъ его членамъ; онъ еще долго лежалъ бы не двигаясь, если бы не голодъ, который скоро напомнилъ о себѣ: его желудокъ властно требовалъ порцію риса.

Онъ быстро всталъ и пошелъ по сжатому полю, за которымъ возвышались величественныя развалины.

Вскорѣ онъ свернулъ на дорогу, идущую вдоль бѣлыхъ стѣнъ и тутъ передъ нимъ раскрылась такая величественная, и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальная картина, что онъ остановился, какъ вкопанный, отъ изумленія и отчасти даже отъ страха. Это былъ портикъ, поддерживаемый съ внѣшней стороны шестью громадными столбами, на вершинѣ которыхъ красовалась женская голова съ большими неподвижными глазами.

Въ это таинственное зданіе вела дверь. Любопытство одержало верхъ надъ боязнью: мальчикъ вошелъ и очутился въ какомъ то странномъ лѣсу, гдѣ деревьями были колонны, сверху до низу покрытыя непонятными фигурами. Пройдя этотъ лѣсъ, онъ вошелъ въ темный корридоръ, ведущій въ разныя другія помѣщенія. Здѣсь начиналось царство тьмы, оглашаемое лишь хлопаньемъ крыльевъ летучихъ мышей.

Морганъ поспѣшилъ вернуться обратно. Онъ пошелъ себѣ дальше съ цѣлью отыскать какое-нибудь жилище, гдѣ бы ему дали поѣсть. Подойдя къ группѣ пальмъ, онъ увидѣлъ направленную прямо на него какую-то желтую пушку, выступавшую изъ ящика, на которой было набросано черное покрывало. Страшный голосъ раздался изъ-подъ покрывала:

„Если ты только двинешься съ мѣста, ты умрешь!“

Онъ, конечно, не шевельнулся, ужась и страхъ сковали ему ноги.

„Теперь можешь идти, все кончено!“

Тутъ молодой негръ увидѣлъ бѣлаго человѣка, который, какъ ему показалось, вышелъ изъ ящика.

Смотря на Моргана, европеецъ покатывался со смѣху. Эта веселость ободрила мальчика, но только что пережитое волненіе окон-

чательно истощило весь остатокъ его душевныхъ силъ и, сдѣлавъ два шага, онъ покачнулся и упалъ въ обморокъ.

Фотографъ подбѣжалъ къ нему, взялъ его на руки и громко крикнулъ:

„Ибрагимъ, сюда, неси фляжку!“

Черезъ нѣсколько минутъ арабъ, сидѣвшій до сего времени на верхушкѣ развалинъ, прибѣжалъ и протянулъ своему господину маленькую бутылку водки. Фотографъ поднесъ горлышко бутылки ко рту лежавшаго безъ памяти ребенка и влилъ ему нѣсколько капель живительной жидкости.

Когда мальчикъ раскрылъ глаза, европеецъ совершенно бѣгло говорившій по арабски, сказалъ:

„Ну, какъ? Лучше теперь? Я знаю, что съ тобою. Ты должно быть голоденъ? Да?“

Морганъ теплымъ взглядомъ поблагодарилъ доброго иностранца, который такъ хорошо понималъ его.

„Не ѣшь слишкомъ много сразу... Сначала съѣшь кусочекъ хлѣба, и когда желудокъ не будетъ уже такъ пустъ, тогда можно приняться и за консервы“.

Морганъ схватилъ руку француза, положилъ ее, въ знакъ покорности, къ себѣ на голову, затѣмъ поцѣловалъ ее, орошая слезами.

Г. Легэ, такъ звали фотографа, былъ очень тронутъ этимъ нѣмымъ выраженіемъ благодарности, но, желая какъ-нибудь это скрыть, пришелъ во внезапный восторгъ отъ окружавшей ихъ мѣстности.

Кстати сказать, это былъ очень разнообразно образованный чело-вѣкъ, прекрасный фотографъ и художникъ.

Въ Египетъ онъ пріѣхалъ со специальною цѣлью сфотографировать древнія историческія развалины и, въ томъ числѣ, остатки прекраснаго храма, куда случайно попалъ Морганъ.

„Ну, довольно, довольно, сказалъ онъ, отнимая свою руку... Глаза этого негритенка—настоящіе бурные потоки!.. Теперь, когда ты нѣсколько оправился, ты долженъ мнѣ рассказать свою исторію“.

Морганъ подробно рассказалъ ему свою печальную одиссею, начиная съ самыхъ равнинъ Сенаара и до Кенеха; онъ рассказалъ, или вѣрнѣе мимикой изобразилъ свое похищеніе, свои страданія и, наконецъ, само бѣгство. Но вдругъ голосъ его пресѣкся и глаза испуганно и широко раскрылись.

„Что случилось опять, мальчикъ?“

„Тамъ, тамъ!“

И рука его протянулась, чтобы указать причину этого новаго и внезапнаго ужаса.

„Ну, что-же? Сюда идутъ три человѣка, вотъ и все“.

„Это они! Мои хозяева. Они идутъ сюда, чтобы взять меня обратно!“

Это, дѣйствительно, были джеллабы.

Вы, конечно, понимаете, какъ джеллабы были изумлены и разсержены, когда, выпавшись и отрезвившись отъ выпитаго вина, они узнали на слѣдующее утро объ исчезновеніи лучшаго образца ихъ живого товара.

Они сейчасъ прогнали обоихъ сторожей и, затѣмъ, какъ лютые звѣри, набросились на несчастныхъ невольниковъ, на женщинъ и дѣтей. Они хлыстомъ стегали ихъ по лицу, плечамъ и бедрамъ, словно мстили имъ за бѣгство ихъ товарища по рабству. Насладившись досыта ихъ муками, они ихъ оставили, наконецъ, въ покоѣ и принялись розыскивать Моргана. Они догадывались, конечно, что онъ вплавь достигъ берега Кенеха, но не знали, гдѣ именно онъ находился, въ какой части города, или въ какихъ ближайшихъ окрестностяхъ.

Прошло уже нѣсколько часовъ, какъ они бродили по городу, всѣхъ распрашивая, все осматривая, но ничего пока не наводило ихъ на слѣдъ бѣглеца. Однако-же, простой случай пришелъ имъ на выручку.

Одинъ изъ мѣстныхъ лодочниковъ, по имени Селимъ, къ своему великому удивленію не нашелъ на обычномъ мѣстѣ своей лодки; онъ искалъ ее на всемъ протяженіи стоянки барокъ, все было напрасно—лодки не оказалось. Это исчезновеніе навело его на мысль, что лодку его украли съ цѣлью переправиться на противоположный берегъ рѣки. Когда джеллабы узнали объ этомъ происшествіи, то вполне согласились съ мнѣніемъ лодочника, и рѣшили между собою, что воръ никто иной, какъ ихъ отважный маленькій негръ. Тогда, по предложенію джеллабовъ, лодочникъ сѣлъ въ ихъ барку, чтобы вмѣстѣ переправиться всѣмъ на тотъ берегъ, гдѣ, они надѣялись, имъ удастся найти пропажу: лодочнику — свой челнокъ, а джеллабамъ — своего раба.

Раньше отыскался опрокинутый на мели челнокъ, который джеллабы помогли лодочнику привести въ надлежащій видъ, а затѣмъ стали совѣтоваться, какъ имъ теперь быть и что предпринять.

„Этотъ чертенокъ утонулъ“.

„А, можетъ быть, ему удалось вплавъ достичь того берега. Берегъ, вѣдь, не далекъ.“

„Слѣдовательно, замѣтилъ хозяинъ, намъ обязательно надо причалить на ту сторону. Посмотримъ, что будетъ“.

И пока Селимъ, которому они одолжили пару веселъ, удалялся по направленію къ Кенеху, всѣ три джеллаба высаживались на противоположный берегъ. Проплутавъ съ часъ, они подошли къ развалинамъ храма и очутились передъ Морганомъ, или вѣрнѣе, передъ господиномъ Легэ и его слугою, Ибрагимомъ, за которыми прятался маленький негръ.

Они подошли, раскланиваясь и стараясь быть любезными.

„Господинъ, ты очень хорошъ“, сказалъ начальникъ джеллабовъ

„Говори по арабски“, прервалъ его французъ.

Лицо джеллаба засвѣтилось радостью.

„Ну, если ты умѣешь говорить по нашему, мы легко съ тобою сговоримся, справедливый господинъ, да пошлетъ тебѣ Аллахъ свое благословеніе!“

„Чего ты хочешь?“

„Я хозяинъ судна, стоящаго на якорѣ въ Кенехѣ. И вотъ я вижу, что за тобою стоитъ одинъ изъ мальчиковъ моего экипажа; онъ убѣждалъ и, такъ какъ онъ сынъ моей сестры...“

„Такъ значитъ, сестра твоя негритянка?“

„Слушай, господинъ, продолжалъ тотъ, это сынъ моей пріемной сестры, несчастной женщины, отецъ которой довѣрилъ мнѣ ребенка, и просилъ меня показать ему новыя страны... Не такъ-ли, Морганъ? Видишь, я, вѣдь, знаю, какъ его зовутъ и онъ меня узналъ“.

Помолчавъ немного, онъ слащавымъ голосомъ сказалъ:

„Поли ко мнѣ, дитя!“

Сынъ пріемной сестры весь трясся и испуганно прижимался къ фотографу и его слугѣ—Ибрагиму.

„Какъ видишь, твой дорогой племянникъ не очень то спѣшитъ на твой зовъ!... Замолчи, негодный обманщикъ! Этотъ ребенокъ украденъ тобою у родителей въ Сенаарѣ, и ты везъ его на рынокъ въ Каиръ съ другими своими жертвами, которыхъ ты держишь взаперти, въ трюмѣ своего судна.“

„Какъ, ты считаешь насъ за...“

„Я считаю васъ за простыхъ работорговцевъ!“

Всѣ трое переглянулись, какъ бы совѣтуясь взглядами, какъ быть; затѣмъ начальникъ ихъ спокойнымъ голосомъ сказалъ французу:

„Ты правъ, господинъ, мы джеллабы. Зачѣмъ намъ отрекаться отъ торговли, которая съ незапамятныхъ временъ ведется на всемъ протяженіи великой рѣки, и которой честно занимались наши дѣды и отцы; мы тоже, по ихъ примѣру, продолжаемъ это ремесло.

„Ты говоришь о честности и вмѣстѣ съ тѣмъ крадешь свой товаръ!

„Нѣтъ, клянусь тебѣ святымъ Пророкомъ, что мальчика этого я купилъ у его отца; я заплатилъ за него вдвое противъ того, что давали другіе, 10 франковъ (около 4 руб.). Съ согласія его отца, я, подкравшись къ нему, увелъ его тихонько, чтобы избѣжать криковъ и слезъ женщинъ... А затѣмъ, помимо того, что я заплатилъ за него при покупкѣ, знаешь-ли ты, господинъ, сколько онъ мнѣ стоилъ, этотъ малый? 100 франковъ (около 40 руб.) на тамождѣ въ Эснехѣ! Затѣмъ взятка губернатору, а харчи его! И какъ, послѣ всего этого я все-таки рискую все потерять! Представь себѣ, что онъ заболѣетъ, или умретъ? Что тогда? Всѣ мои деньги пропали! Ты самъ теперь видишь, что онъ принадлежитъ мнѣ по закону. Я тебѣ все это объясняю, господинъ, потому что вижу, что ты человѣкъ разсудительный, и поймешь все, какъ слѣдуетъ.

Г. Легэ молчалъ.

И что, въ самомъ дѣлѣ, можно было имъ отвѣтить? Ничего такого, что было бы доступно пониманію этихъ наивно звѣрскихъ людей. Даже во взглядѣ слуги его Ибрагима, обращенномъ къ нему, ясно читалось: ну, что-же, развѣ онъ не правъ?

Джеллабы приняли молчаніе француза за согласіе съ его стороны и уже намѣревались схватить за руки мальчика, который при этомъ испустилъ громкій крикъ ужаса:

„Не отдавай Моргана, добрый господинъ!

„Подождите, сказалъ Легэ, заслоня собою негра.

Подумавъ немного, онъ сказалъ начальнику:

„Я вѣрю, что ты не лжешь. И вотъ есть средство все поправить. Садись въ мою барку и мы отвеземъ мальчика французскому консулу; если губернаторъ Кенеха объявитъ его твоею собственностью, мы тебѣ его сейчасъ-же отдадимъ.

Гнѣвный огонекъ пробѣжалъ въ глазахъ всѣхъ трехъ джеллабовъ. Они прекрасно знали, какъ это знаютъ всѣ работоторговцы, что

по энергичнымъ протестамъ и настояніямъ Франціи и Англіи, ввозъ невольниковъ на египетскую территорію окончательно воспрещенъ, и что если нѣкоторые чиновники и закрываютъ ради собственныхъ выгодъ глаза на тайно производящуюся торговлю, они, эти самые чиновники, никогда не согласятся открыто признать свое сообщничество въ подобномъ дѣлѣ. Отдать Моргана консулу—значило вернуть ему свободу.

Но хитрый джеллабъ быстро овладѣлъ собою.

„Къ чему, сказалъ онъ равнодушнымъ голосомъ, впутывать твое правительство и мое въ дѣло, которое мы можемъ окончить полюбовно. Тебѣ, какъ я вижу, ребенокъ нравится, и немудрено, онъ такъ красивъ и силенъ! Ну, слушай, сколько ты за него даешь?

„Ничего. Я точно также не имѣю права купить его у тебя, какъ ты не имѣешь право мнѣ его продать. Я не взываю ни къ справедливости, ни къ гуманности, а опираюсь только на законы моего государства, ты же нарушаешь законы своей страны. И ты это самъ сознаешь, разъ ты не соглашаешься на мое предложеніе.

„И такъ, ты не хочешь ни купить его, ни отдать его мнѣ?

„Ты хочешь обидѣть честныхъ торговцевъ и отнять у нихъ ихъ заработокъ, доставшійся имъ съ такимъ трудомъ и такой опасностью?

„Нужно-же, однако, чтобъ этотъ мальчикъ принадлежалъ кому-нибудь. Почему же онъ будетъ твоимъ, а не нашимъ?

„Если ты говоришь о правахъ, то въ такомъ случаѣ у насъ больше правъ на него, чѣмъ у тебя.

„Я понимаю, ты хочешь его оставить у себя, чтобы сдѣлать его своимъ рабомъ, но этому не бывать!

„Довольно!“ закричалъ французъ; его волненіе и раздраженіе противъ этихъ негодяевъ росло съ каждой минутой.

Онъ взялъ Моргана за руку и сказалъ:

„Выбирай между ими и мною!

„Ты, ты, господинъ!“

„Слышали? Теперь убирайтесь вонъ и разъ навсегда оставьте насъ въ покоѣ.

Тутъ джеллабы, лишившись всякой надежды вернуть къ себѣ Моргана, оставили свою притворную сдержанность и разразились угрозами и руганью.

„Мы слишкомъ долго спорили по-пустому съ этой собакой! закричалъ одинъ изъ нихъ. Вѣдь насъ трое противъ его, одного!

И онъ бросился на господина Легэ съ намѣреніемъ отнять у него мальчика. Но вдругъ онъ остановился, объятый ужасомъ.

„А ты забылъ это? спросилъ французъ, приставляя ему къ самому лицу карманный револьверъ. Тутъ шесть зарядовъ, а у васъ всего три головы. Первый, кто подойдетъ, будетъ застрѣлянъ.

Ладно, ладно... проговорилъ джеллабъ. Съ тобою и поговорить нельзя. Отдай только 100 франковъ (около 40 руб.), которые я уплатилъ на таможенѣ, и я сейчасъ уйду и оставляю тебѣ мальчика, несмотря на то, что терплю большой убытокъ: я далъ взятку губернатору и много истратилъ на его ѣду. Что ты мнѣ дашь?

„Ничего“.

„Ну, послушай, будь великодушень, господинъ, отдай только деньги, истраченныя на его харчи... Чтобы мнѣ хотя не все потерять.

„Ни гроша, говорю тебѣ, мерзавецъ, ты не былъ бы такимъ скромнымъ и сговорчивымъ, если бы я не былъ вооруженъ. Убирайся по-добру, по-здорову, или я тебя...

И палецъ его собирался нажать курокъ.

Джеллабы, видя, что шутки плохи, пустились безъ оглядки. Пробѣжавъ нѣсколько саженой, одинъ изъ нихъ обернулся и закричалъ:

„Воръ!“

Онъ низко опустилъ голову и снова быстро побѣжалъ, словно ожидая смертоносную пулю въ отвѣтъ на свою дерзость.

Но фотографъ разразился только громкимъ смѣхомъ.

Ибрагимъ, который во всемъ этомъ дѣлѣ никакъ не могъ хорошо разобратъся, совсѣмъ не зналъ, какъ себя вести.

Когда Морганъ увидѣлъ, что его прежніе хозяева удалились, онъ бросился на колѣни передъ своимъ спасителемъ.

„Вставай, вставай, мальчикъ, сказалъ ему г. Легэ, поднимая его. Должно быть у тебя аппетитъ изрядный, если они хотѣли заставить меня уплатить за твои харчи! Что же ты обыкновенно ѣлъ на суднѣ?

„Вареный рисъ“.

„Къ сожалѣнію рису у меня теперь нѣтъ; но вотъ кусочекъ копченаго мяса; попробуй-ка!“

И пока молодой негръ, взволнованный и довольный, жадно ѣлъ говядину, энергично работая своими бѣлыми, здоровыми зубами, французъ смотрѣлъ на него съ умиленіемъ и шепталъ про себя:

„Надо найти ему какую нибудь одежду, а то ужъ очень плохо онъ одѣтъ“.

Черезъ три дня послѣ описаннаго происшествія Морганъ сидѣлъ на пароходѣ „Файюмъ“, который направлялся въ Каиръ. Онъ никакъ не могъ налюбоваться этой громадной и шумливой машиной, не могъ надивиться быстротѣ, съ которой шелъ пароходъ, оставляя за собой слѣды на водѣ и заволакивая небо клубами дыма.

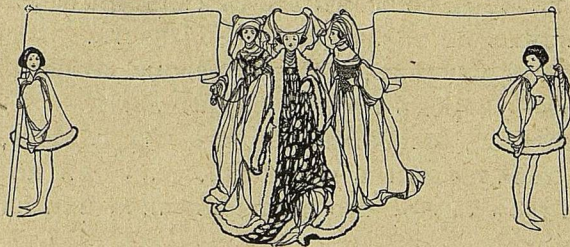
Черезъ нѣкоторое время ихъ пароходъ опередилъ тяжелое неуклюжее судно, люкъ котораго былъ тщательно закрытъ. Ребенокъ указалъ на него своему извѣстителю.

„Здѣсь мои несчастные товарищи“, шопотомъ сказалъ онъ.

8-го Января 1861 г. г-нъ Легэ входилъ въ кабинетъ директора одной изъ гимназій города Марсель. Онъ велъ за собою красиваго молодого негра.

„Я Вамъ привелъ новаго ученика. Не думаю, чтобы изъ него вышелъ ученый, но надѣюсь, что онъ всегда останется добрымъ малымъ и сохранить свой аппетитъ.“

И только спустя два года Морганъ доказалъ, что природа надѣлила его хорошими способностями. Онъ остался негромъ, его кожа не измѣнилась, но онъ сталъ вполне образованнымъ человѣкомъ: онъ зналъ четыре языка и былъ однимъ изъ самыхъ интеллигентныхъ переводчиковъ города Каира.

ПТИЧКА ВЪ КУСТИКАХЪ. (Малиновна).*)

1

Умѣренно.

Не громко.

1. Птич - ка въ ку - сти - кахъ ле - та - ла

Безъ у - мол - ку ще - бе - та - ла

Играиво $\frac{3}{4}$ Ти - у ти - у да кру - гомъ Все ле - та - ла надъ гнѣз - домъ

Ти - у ти - у чикъ чикъ чикъ Ти - у ти - у чикъ.

КУКУШКА.

Не громко

1. Тамъ въ да - ли за рѣ - кой раз - да - ет - ся по -

рой Ку - ку! Ку - ку! Ку - ку! Ку - ку!

*) Всѣ нотные примѣры кромѣ „Кукушки“ собраны и арранжированы М.С.Левиной.
Печатня В.Гроссе въ Москвѣ. Д. 1 М.

дни и - но-чи часо- вы - е да з - э-эх! сте-ре-гутъ мо-е ок-но

„ПО УЛИЦЪ МОСТОВОЙ.“

Громко.

Весело и скоро.

1. По у - ли - цѣ мос - то -
2. За - ней па - рень мо - ло -

- вой
- дой
шла дѣ - ви - ца за - во -
кли - четъ дѣ - ви - ца по -

- дой, шла дѣ - ви - ца за - во - дой, за - хо -
- стой, кли - четъ дѣ - ви - ца по - стой, кли - четъ

Для повтореній. Для конца.

- лодной, клю-че вой,
дѣ-ви-ца по - стой.

О музыкѣ.

„Музыка нѣжна, какъ молоко, пламенна, какъ вино, она приручаетъ дикихъ звѣрей и очаровываетъ человѣческое сердце.“

Арабская пословица.

„Музыка имѣетъ способность успокаивать сердце, оттого и любить ее мудрецъ.“

Китайскій богдыханъ *Кангъ-Хи*.

Музыка—это высшій, прекрасный даръ небесъ, который всѣмъ людямъ даетъ наслажденіе; это—„искусство улаживать ухо, трогать сердце, приводить умъ въ пріятную дѣятельность и оживлять воображеніе разнообразными представленіями“ *).

Посредствомъ музыки мы можемъ передавать другимъ людямъ наши чувства и настроенія. Музыка это—языкъ безъ словъ и не нуждается въ переводѣ; потому музыку одинаково понимаютъ всѣ народы. Не только у европейца, но и у негра, у китайца, у индѣйца, у любого дикаря, есть своя музыка. Нѣтъ человѣка безъ музыки.

И дѣйствительно, музыка можетъ передать всѣ чувства, которыя испытываетъ каждый человѣкъ: горе, радость, печаль, веселье, тоску, религіозный восторгъ. Вотъ почему музыка теперь неразрывно связана съ жизнью, вотъ почему ее можно услышать и въ церкви, и въ театрѣ, и на полѣ, и дома.

Музыка способна уносить людей изъ настоящей, часто печальной, дѣйствительности въ новый невѣдомый міръ сказочныхъ грезъ. Часто, слушая музыку, человѣкъ забываетъ о томъ, гдѣ онъ находится, и ему начинаетъ казаться, что онъ въ другомъ мірѣ, что онъ въ раю или въ сказочномъ царствѣ. Поэтому понятно, что музыка заставля-

*) Музыкальный катехизисъ І. К. Лобе.

еть многихъ несчастныхъ людей забывать о своемъ горѣ и находить въ музыкѣ отдыхъ и успокоеніе.

Откуда-же явилось это прекрасное искусство—музыка?

Въ очень отдаленныя отъ насъ времена, когда еще люди были, какъ звѣри, когда они навѣрное еще не умѣли говорить, а обмѣнивались только криками, тогда, конечно, еще не было музыки, но въ природѣ и тогда уже существовали свои звуки: грома небесные, ревъ бушующаго моря, шумъ непроходимыхъ лѣсовъ, наполненныхъ пѣніемъ миллионовъ птицъ...

Достаточно и теперь весной или лѣтомъ выйти во дворъ, чтобы услышать, какъ кудахчутъ куры съ цыплятами, какъ пѣтухъ, избравшись на какое-нибудь возвышеніе, гордо и рѣзко кричитъ свое ку-ка-ре-ку, или—посмотрѣть, какъ голубки, будто жалуясь на что-то, а можетъ быть просто съ довольствомъ наслаждаясь яркимъ солнышкомъ, воркуютъ свое: „варъ-горъ, варъ-горъ“. Такъ наполняетъ дворъ своими разнообразными криками домашняя птица.

А если раннимъ утромъ выйти въ зеленый садъ, когда все дышетъ свѣжестью, когда трава и вся зелень усыпаны росой—какъ оживленно перекликаются птички на всѣ лады. Вотъ сѣренькіе воробушки, весело прыгая, тонкимъ голоскомъ выкрикиваютъ свое „чиликъ-чиликъ“. И щеглята, пѣночки, перекликаются между собой. Садъ полонъ звуковъ. Всевозможное пѣніе наполняетъ воздухъ. Откуда-то, со стороны, маленькія, хорошенькія малиновочки, со своими пестрыми, красными съ бѣлымъ шейками и съ хохликомъ, пищать свое „ті-у, ті-у.“ Въ музыкѣ часто можно встрѣтить подражаніе ихъ пѣнію.

Вотъ хорошенькая пѣсенка о малиновкѣ, которая учитъ своихъ дѣтокъ щебетать и летать:

Птичка въ кустикахъ летала,
Безъ умолку щебетала;
Тіу-тіу, чикъ-чикъ-чикъ, да кругомъ
Все летала надъ своимъ гнѣздомъ.

А изъ гнѣздышка на вѣтки
Къ ней порхали малы дѣтки.
Тіу-тіу, чикъ-чикъ-чикъ—кличетъ мать;
Вы учитесь, дѣтушки, летать.

Будутъ крылышки сильнѣе,
 Будемъ, пташки, мы смѣлѣе;
 Тиу-тиу, чикъ-чикъ-чикъ запоемъ,
 Сами въ лѣсъ зеленый мы порхнемъ.

А если внезапно очутиться въ лѣсу, когда все дышетъ прохладой и тишиной, невольно услышишь всевозможное пѣніе. Что-то протяжное поетъ иволга; дроздъ трещитъ свою пѣсню; а что это тамъ такъ ясно, какъ будто человѣкъ говорить: „ку-ку“; затѣмъ опять послѣ молчанія такъ грустно и протяжно: „ку-ку, ку-ку“.

Ужъ не горюеть-ли кукушка о потерѣ своихъ подброшенныхъ дѣтокъ?

Много пѣсенокъ на подобіе пѣнія птицъ существуетъ.

Вотъ и пѣсенка о бѣдной кукушкѣ, которая дѣтокъ потеряла, плачетъ и зоветъ ихъ:

Тамъ вдали за рѣкой
 Раздается порой „ку-ку, ку-ку“.
 Это птичка кричитъ
 У зеленыхъ раки: „ку-ку, ку-ку“.
 Потеряла дѣтей,
 Жалко бѣднянскихъ ей „ку-ку, ку-ку“.

Но все-же пѣніе всѣхъ этихъ птицъ не можетъ сравниться съ пѣніемъ соловья гдѣ-нибудь въ кустахъ, въ тихій вечеръ. Какъ онъ поетъ! Можно подумать, что онъ поетъ о хорошемъ: о свободѣ, о любви ко всѣмъ. То заливается, то трещитъ, то пулькаетъ, то рассыпается онъ по воздуху. И душа человѣка отдыхаетъ. И у самыхъ злыхъ пробуждается чувство ко всему хорошему и доброму. Видно, не мало заронилъ онъ въ души тѣхъ, кто слушалъ его. Не мало пѣсенокъ народныхъ существуетъ о „голосистомъ соловушкѣ“, который „сладко поетъ, ночью спать не даетъ“.

Но не однѣ только птицы въ природѣ поютъ. Все въ природѣ полно звуковъ, которые, переплетаясь между собой, создаютъ ея музыку.

Прислушайтесь къ тихому шелесту камыша надъ рѣкой. Вы услышите тихую, монотонную пѣсню безъ словъ. То невѣдомый артистъ—вѣтеръ проводитъ по струнамъ камыша своими незримыми руками. Тотъ же вѣтеръ въ лѣсу тихо колышетъ верхушки деревьевъ въ ясную погоду, и немолчно несется бесѣда ихъ между собой подъ яснымъ солнышкомъ. Вдругъ нахмурилось небо, приблизилась черная туча и окутала солнце. Лѣсъ замеръ. Порывъ вѣтра, и все заволновалось, загудѣло и запѣло. Лѣсъ полонъ звуковъ. Безпокойно склоняются верхушки деревьевъ. Ужъ не шепчутъ они, а громко шумятъ въ волненьи и страхѣ. Тотъ-же могущественный, разсерженный артистъ—вѣтеръ, запѣлъ теперь свою грозную пѣсню: завываетъ, то повышая, то понижая свой ревъ и свистъ, то замирая, то громче разносясь по воздуху. И если въ музыкѣ приходится изобразить свистъ вѣтра въ лѣсу, или бурю на морѣ, то пишется:

Это, сыгранное на струнныхъ инструментахъ, (скрипкахъ и виолончеляхъ) въ оркестрѣ, производитъ впечатлѣніе вѣтра.

На рѣкѣ, на морѣ, въ лѣсу, въ саду, вездѣ во всей природѣ свои звуки, свои пѣсни.

Все то, о чемъ мы сейчасъ говорили, это есть музыка природы, но настоящая музыка явилась съ человѣкомъ и человѣкомъ создана. Человѣкъ мыслить, человѣкъ чувствуетъ, человѣкъ страдаетъ, человѣкъ наслаждается, человѣкъ любитъ, человѣкъ ненавидитъ; словомъ, жизнь человѣка гораздо выше, и сложнѣе, чѣмъ у природы. Человѣкъ постоянно чувствуетъ, а вы уже знаете, что въ музыкѣ мы выражаемъ свои чувства, а потому вполне понятно, что музыка сопровождаетъ всѣ моменты жизни человѣка, утѣшая его въ горести, веселя въ радости. Кто изъ насъ, со времени ранняго дѣтства, не помнитъ матери (или няни), которая, склонившись надъ колыбелью, укачиваетъ нашего братишку или сестренку, какъ укачивала и насъ самихъ, напѣвая въ полъ-голоса колыбельную пѣсенку, то тише, когда ребенокъ спокойно спитъ, то громче, когда маленькое существо въ колыбелькѣ начинаетъ шевелиться: „Баю,—бай, баю,—бай, пусть тебѣ приснится рай.“

А кто изъ васъ не знаетъ и не помнитъ этой колыбельной пѣсенки:

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Медленно.
Тихо и нѣжно.

1. Спя мла - де - нецъ мой пре - кра - снѣй, Ба - юш - ки ба - ю!
2. Ста - ну ска - зы - вать я ска - зки, Пѣ - сен - ку спо - ю;

Ти - хо смо - трѣть мѣ - сяцъ яс - нѣй, Въ ко - лы - бель тво - ю.
Ты - жь дре - мли, за - кры - вши гла - зки, Ба - юш - ки ба - ю!

для повторенія. для конца.

И подъ эти тихіе, нѣжные звуки сколько чувствъ, сколько мыслей пробуждается въ душѣ ребенка, будущаго человѣка. Можетъ быть еще несознательно, эти моменты оставляютъ слѣдъ на всю жизнь.

Вотъ ребенокъ становится старше, онъ начинаетъ внимательнѣе присматриваться и прислушиваться ко всему окружающему. Среди массы всевозможныхъ звуковъ не можетъ онъ не уловить колокольнаго звона. По всему небу слышенъ благовѣстъ. Колокола, переливаясь всѣми тонами, разносятся по воздуху. Вотъ басовый грубый колоколъ сдѣлалъ медленно и важно: буумъ-баамъ. Вотъ забрались немного повыше и поскорѣе начали другіе колокола, а большой продолжаетъ свое буумъ-баамъ, а тамъ маленькіе колокольчики запѣли, переплелись и далеко разнеслись по воздуху.

Проиграйте напечатанное здѣсь и вы увидите, что это тоже музыка, которую можно передать, какъ и всякую другую, при помощи нотъ.

Колокольный звонъ, вы знаете, зоветъ къ молитвѣ. Молитва всегда у всѣхъ народовъ сопровождается музыкой.

Возьмите дикаря, который поклоняется идолу и видитъ въ немъ всемогущаго Бога. Если дикарю хорошо живется, то онъ приноситъ благодарственные жертвы своему идолу, весело скачетъ вокругъ костра и поетъ веселыя пѣсни. Если же у него горе, если умеръ кто-нибудь изъ его близкихъ, или вдругъ надъ его головой разразилась страшная буря съ громомъ и молніей и напугала его, то онъ въ страхѣ спѣшитъ къ своему идолу. Его онъ считаетъ причиной всѣхъ этихъ бѣдствій и ужасовъ. Онъ боится, что чѣмъ-нибудь прогнѣвалъ своего бога, поэтому-то искупительныя жертвы дикаря сопровождаются печальнымъ и мрачнымъ пѣніемъ.

Тоже самое мы видимъ и у насъ въ церкви, гдѣ можно слышать то веселую, то печальную музыку.

Большой праздникъ. Люстры зажжены. Церковь полна народомъ одѣтымъ по праздничному. Хоръ поетъ. По церкви разносятся переливы дѣтскихъ, женскихъ и мужскихъ голосовъ. Вотъ тенора выводятъ свои высокія, мягкія и нѣжныя нотки, вотъ басы густо и полно наполняютъ всю церковь своими голосами. Ихъ пѣніе радостно и торжественно.

Но совсѣмъ иное, когда, напримѣръ, въ церкви покойникъ. Настроеніе мрачное и тяжелое. И церковь это настроеніе поддерживаетъ печальнымъ пѣніемъ „панихиды“. Это уже не то пѣніе, которое раздается во время молебна. Въ этомъ пѣніи слышится и передается вся горечь душъ, оставшихся въ живыхъ, вся горечь безвозвратной утраты любимаго человѣка, и къ Богу несутся звуки, полные слезъ. И сами поющіе тоже проникаются этимъ настроеніемъ, и въ ихъ пѣніи слышатся подчасъ слезы. Мрачно надъ сводами къ концу панихиды несется „Вѣчная память“ и съ душой, переполненной скорбью, выходятъ изъ церкви молящіеся.

Такъ поютъ въ русской, греческой и армянской церкви.

У нѣмцевъ, французовъ и англичанъ, въ церквахъ не только поютъ, но и органъ играетъ, благодаря которому, впечатлѣніе отъ музыки еще сильнѣе.

Подъ вліяніемъ музыки душа скорѣе уходитъ отъ всего земного и уносится къ небесному.

Вотъ что объ этомъ говоритъ знаменитый христіанскій писатель св. Августинъ: „О, сколько я пролилъ слезъ умиленія, когда слушалъ гимны и пѣсни, воспѣваемые во славу Твою, Господи, какъ глубоко

бываетъ, не съ кѣмъ словомъ перемолвиться, и вотъ мастерить онъ себѣ музыкальный инструментъ. Сдеретъ кору съ тальника, или найдеть полый тростникъ, прорѣжетъ въ нихъ рядъ дырочекъ, сдѣлаетъ вставку изъ дерева для конца, въ который будетъ дуть,—свирѣль и готова. Идетъ-ли онъ раннимъ утромъ со стадомъ на лугъ, возвращается-ли оттуда позднимъ вечеромъ, постоянно слышится пѣсенка его и свистъ свирѣли. (См. нотный примѣръ).

Можетъ быть и стада слушаютъ его пѣсенку, можетъ быть и они понимаютъ его и навѣрное охотнѣе безсловесное животное слушается свирѣли, чѣмъ грубыхъ криковъ и жестокихъ ударовъ кнута и палки.

Какъ ни безрадостна жизнь нашего крестьянина, какъ ни много хлопотъ и заботъ, какъ ни тяжелъ трудъ, а все же есть потребность отдохнуть, хоть на минуту забыть о своей безпросвѣтной жизни. Недѣля труда прошла. Настало Воскресенье. Люди выползли изъ избъ на улицу. Старики засѣли на заваленкахъ, а молодые водятъ хоро-воды. Вышли парни да дѣвки на улицу, взяли за руки, составили кругъ и затянули. Впередъ вышла одна изъ дѣвушекъ. Поводя плечами, лѣвой рукой упершись въ бокъ, а правой помахивая платочкомъ, плавно поплыла она, словно лебедь, запѣвая высокимъ голосомъ: „по улицѣ мостовой“ и изображая, какъ „шла дѣвица за водой“. Потомъ за дѣвицей выходитъ „парень молодой“, кличетъ: „дѣвица постой“ и также красиво идетъ за ней.

Такъ развлекаются крестьяне по праздникамъ. Гдѣ же въ праздничекъ безъ танцевъ, безъ игръ и безъ пѣнія?

Такова музыка у народа, и навѣрное всѣмъ дѣтямъ, которые жилали въ деревняхъ и на дачахъ, приходилось слышать эту музыку.

Но не всѣ дѣти такъ счастливы. Есть бѣдныя дѣти, которыя и въ лѣтнюю жару живутъ въ городѣ, среди раскаленной мостовой, среди пыли и грохота извозчиковъ. Грязно одѣтыя, оборванные, несчастныя, безъ радостей въ жизни, только колотушки получающія со всѣхъ сторонъ, часто въ однѣхъ рубашенкахъ, бѣгаютъ они по улицамъ.

Но и у нихъ есть свои радости „и на ихъ улицѣ бываетъ праздникъ“. Вотъ пришелъ на залитый палящимъ зноемъ дворъ шарманщикъ. За нимъ тоже цѣлая куча ребятишекъ съ сосѣднихъ дворовъ. „Музыка пришла, музыка пришла“—кричатъ хозяева этого двора, выбѣгая навстрѣчу. Съ какимъ интересомъ, съ какой радостью, съ

открытымъ отъ любопытства и удовольствія ртомъ, слѣдятъ они за тѣмъ, какъ шарманщикъ вертитъ ручку, какъ изъ этого четверугольнаго ящика несутся, смѣняясь, то грустная русская пѣсня, то веселый танецъ. И слушая эти звуки, бѣдная дѣвочка, навѣрное дочка шарманщика, то подпѣваетъ свою грустную пѣсенку, то пляшетъ подъ звуки танца. Некрасивая музыка у шарманщика, фальшивитъ, играетъ неправильно, трещитъ, но все же, несмотря на это, какой радостью наполняетъ она дѣтскія сердца этихъ маленькихъ людей, забывающихъ въ музыкѣ свое горе и голодъ. Но шарманщикъ уходитъ, ему тоже надо подумать о томъ, чтобы прокормить себя со своей дѣвочкой, дѣтишки провожаютъ его на сосѣдній дворъ, чтобы еще разъ послушать его музыку. А тамъ и домой пора и, понуря голову, жалѣя, что „музыка ушла“, возвращаются они подъ свои грустныя кровли въ сырые подвалы, въ ожиданіи прихода новаго луча радости, новой музыки.

И стоитъ лишь имъ услышать топотъ солдатъ, проходящихъ ритмично подъ звуки марша, который играютъ музыканты впереди, какъ они уже, конечно у воротъ и на улицѣ. Громко звучатъ трубы военного оркестра. Старательно, напрягая щеки, дуютъ музыканты въ свои блестящія большія трубы, и увѣренно идутъ солдаты, ступая въ тактъ. Можетъ быть, издалека идутъ они, можетъ быть, измученъ, утомленъ долгимъ переходомъ, но звучная музыка поддерживаетъ бодрость въ нихъ. Музыканты устали. Чередъ за пѣвцами. Запѣвало начинаетъ выводить какую-нибудь крестьянскую или солдатскую пѣсню, и всѣ хоромъ отвѣчаютъ ему. А одинъ пѣвецъ-свистунъ старательно, то возвышая, то понижая голосъ, насвистываетъ ту-же пѣсню съ украшеніями, и высоко надъ всѣмъ хоромъ разносится этотъ свистъ. Но проходятъ солдаты, все тише и тише раздастся ихъ пѣсня, уже издали еле-еле слышно доносится она, еще послѣдній звукъ чуть слышенъ, какъ шопотъ, еще разъ доносится мелодія, которую свиститъ одинъ изъ солдатъ, и настаетъ тишина. „Ушла музыка“ исчезъ лучъ свѣта, опять жизнь, обычная жизнь входитъ въ свои права, опять грохотъ извозчиковъ, крики толпы и разносчиковъ. Понуря голову, дѣти покидаютъ свои посты, откуда наблюдали за музыкой.

Какъ ни печальна жизнь этихъ дѣтей, какъ ни много горя у нихъ въ жизни, но у нихъ есть одно счастье „свобода“. Каково же тому несчастному, который въ силу стеченья обстоятельствъ, а очень

часто и невинно, посаженъ въ тюрьму. Въ маленькой, сырой камерѣ, съ крохотнымъ оконцемъ за чугунной рѣшеткой подъ потолкомъ, сидитъ несчастный, лишенный свободы и общенія съ людьми узникъ, иногда цѣлые годы, десятки лѣтъ. Кто знаетъ, что происходитъ на днѣ его души, сколько мыслей, сколько думъ пережито имъ. Подѣлиться не съ кѣмъ, не съ кѣмъ перемолвиться, не отъ кого услышать ласковое слово. Только грубаго часового изрѣдка увидитъ онъ, только бряцанье ключей въ дверной скважинѣ услышитъ онъ. Но и тутъ, когда онъ всѣми покинутъ, музыка не покидаетъ человѣка. Въ пѣснѣ онъ выливаетъ свою наболѣвшую душу, и пѣснь примиряетъ его съ горькою долею.

Кому не извѣстна пѣсня узника:

Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ тюрьмѣ моей темно.
Дни и ночи часовые
Стерегутъ мое окно.

Итакъ, милые дѣти, изъ всего сказаннаго вы понимаете, что музыка есть искусство, которое является существеннымъ и необходимымъ для человѣка. Вы видите, что музыка есть въ природѣ мертвой и живой, что она идетъ рука объ руку съ человѣкомъ въ теченіи всей его жизни: пѣсни няни и матери, пѣсни товарищей, пѣсни религиозныя о скорби и радости, пѣсни крестьянъ за работой и во время отдыха, пѣсни узника въ тюрьмѣ—все это есть музыка, о которой я съ вами сегодня бесѣдную. Въ другой разъ я вамъ расскажу еще много о музыкѣ, расскажу какъ она появилась, какая была музыка у разныхъ дикарей, какъ они дѣлали себѣ всевозможные инструменты, какіе существуютъ инструменты музыкальные на свѣтѣ. Расскажу вамъ о томъ, какъ подъ вліяніемъ музыки люди становились добрыми и хорошими и переставали творить жестокости. Расскажу вамъ о знаменитыхъ музыкантахъ, которые уже маленькими дѣтьми играли и старались учиться, чтобы достичь совершенства. А знаете-ли, съ какимъ трудомъ многимъ изъ нихъ приходилось учиться, какъ много препятствій имъ приходилось преодолевать.

Многія изъ васъ находятся, вѣроятно, въ лучшихъ условіяхъ; если у васъ есть возможность, не теряйте дорогого времени и сейчасъ же учитесь. Великіе музыканты и учителя говорятъ, чѣмъ раньше

человѣкъ начинаетъ учиться музыкѣ, тѣмъ больше онъ успѣетъ въ ней. Вы не только можете учиться, вы должны учиться. Кому больше дано, съ того больше и взыщется. Вспоминайте почаще о своихъ несчастныхъ сверстникахъ, которые не то-что учиться, но даже и слышать музыку не имѣютъ возможности. А если и слушаютъ, то ловятъ случайно до нихъ дошедшіе звуки какой-нибудь разбитой шарманки. И эти рѣдкіе моменты нѣкоторыми изъ бѣдняжекъ никогда не забудутся. Сколько счастья дали они, сколько горя было забыто въ тѣ минуты.

Будемъ же мечтать о томъ времени, когда для всѣхъ будетъ больше счастья, и музыка будетъ доступна каждому.

Учитесь же дѣти для того, чтобы потомъ когда-нибудь стараться всѣмъ доставлять радость и отдыхъ своей музыкой. Недаромъ говорить пословица: „чему не выучился въ молодости, того не будешь знать къ старости“. Зато потомъ ученье въ молодости дастъ счастье и поведетъ къ будущему хорошему времени на землѣ.

И въ тотъ день, когда наступитъ царство счастья и радости, когда возсіяетъ ликъ свободы, когда всѣ люди будутъ равны передъ Богомъ, тогда всѣмъ, а не только избраннымъ, станетъ доступнымъ искусство, тогда всѣ будутъ наслаждаться красотами музыки и всѣ въ одинъ голосъ будутъ пѣть гимны Истинѣ, Красотѣ и Добру.

М. Л.

Гости.

Гл. I.

На станціи.

Марія Федоровна Турзина сидѣла за утреннимъ чаемъ. Возлѣ ея прибора лежало письмо. Она одѣла пенснэ, разорвала конвертъ и принялась читать. Пока она читала, брови ея подымались все выше и выше, а углы рта опускались все ниже. Прочитавъ дважды письмо, она позвонила.

„Петровна, обратилась Марія Федоровна, къ вошедшей прислугѣ, я сейчасъ получила письмо отъ сестры, съ увѣдомленіемъ о

серьезной болѣзни ея мужа; она проситъ меня пріютить дѣтей ея на недѣлку или двѣ и высылаетъ ихъ съ поѣздомъ въ 12. 20.“

„А сколько ихъ будетъ, барышня?“ поинтересовалась Петровна, будто она ожидала, что ихъ по крайней мѣрѣ цѣлая дюжина.

„Ихъ трое. Жоржику около девяти, Адочкѣ семь, а маленькому Бобику четыре, или пять. Пожалуйста, скажите Ивану, чтобы онъ приготовилъ шарабанъ къ двѣнадцати часамъ. Я поѣду встрѣчать ихъ на станцію. Да, погодите, прибавила она, когда Петровна уже подходила къ двери, поговоримъ объ обѣдѣ. Чтобы такое приготовить, что дѣти любятъ?“

„У насъ въ кладовой только пара куръ“, отвѣтила съ отѣнкомъ грусти Петровна, но такъ жалко, что ихъ съѣдятъ въ одинъ обѣдъ.

„Вотъ и великолѣпно“, сказала Марія Федоровна, не обращая вниманія на послѣднее замѣчаніе Петровны: „пара куръ и яблочный пирогъ“.

Уладивъ это важное дѣло, Марія Федоровна окончила прерванный завтракъ.

Въ двѣнадцать часовъ бѣлая лошадка, запряженная въ шарабанъ, стояла у дверей. Марія Федоровна сѣла въ экипажъ, надѣла перчатки, опустила вуаль и подобрала вожжи.

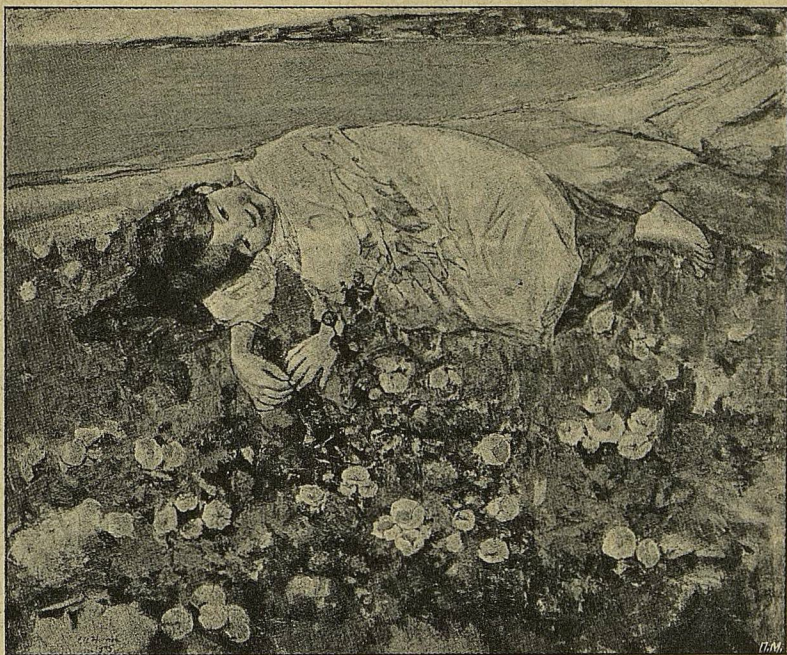
„Готовы-ли вы, барышня?“ спросилъ старикъ Иванъ, державшій лошадь подъ узы.

„Совершенно. Впередъ, Васька!“ Старикъ Иванъ посторонился и Васька съ Маріей Федоровной степенно и мѣрно поѣхали вдоль залитой солнцемъ дороги къ станціи.

Времени было много, такъ какъ поѣздъ еще не приходилъ, и Марія Федоровна, оставивъ мальчика караулить Ваську, принялась ходить взадъ и впередъ по платформѣ.

Наконецъ, со страшнымъ грохотомъ, пыхтѣніемъ и свистомъ вкатился поѣздъ подъ крытый дебаркадеръ станціи. Какъ только онъ поравнялся съ Маріей Федоровной, она, къ ужасу своему, увидала маленькаго краснощекаго мальчугана, далеко высунувшагося изъ окна, съ улыбкой до ушей, несмотря на то, что изъ вагона, въ которомъ онъ находился, доносились пронзительные крики.

„Тетя Маня!“, закричалъ онъ въ то время, какъ вихремъ проносился мимо нея на другой конецъ платформы. „Поторопись на помощь, а то Бобъ въ ужасномъ положеніи... мы не можемъ его снять!“

На берегу. —

Карт. Е. Горнель.

Бѣгомъ, задыхаясь, неслась Марія Федоровна по платформѣ къ вагону, въ которомъ находился ея племянникъ. Цѣлая толпа собралась, стараясь разобратъ въ чемъ тамъ дѣло, а какой-то носильщикъ, широко улыбаясь, уже отворялъ дверь.

„Ахъ!.. что-же... случилось?“ едва могла выговорить Марія Федоровна.

„Ничего, сударыня“, успокоилъ ее носильщикъ, они только „убрали“ ребенка въ сѣтку для багажа!

„Мы играли, будто Бобъ зонтикъ, но потомъ мы больше не могли его достать“, объяснилъ Жоржъ.

Марія Федоровна заглянула въ вагонъ, и ея взору представилась слѣдующая картина: въ сѣткѣ, куда обыкновенно кладутъ пакеты, на спинѣ лежалъ и оралъ благимъ матомъ ея меньшей племянникъ. Носильщикъ поставилъ его на полъ и крикъ мгновенно прекратился. Въ ту же минуту Марія Федоровна почувствовала, что кто-то дергаетъ ее за край пальто и, и взглянувъ внизъ, увидала свою маленькую племянницу Адочку, съ большимъ бѣлымъ щенкомъ на рукахъ.

„Милыя мои дѣтки!“ начала Марія Федоровна, какъ только по отходѣ поѣзда осталась съ тремя дѣтьми, щенкомъ и кучею пакетовъ на платформѣ, „дорогія мои крошки! Отчего же мама пустила васъ однѣхъ?“

„Потому что она не могла оставить папочку“, торопились объяснить Жоржъ и Адя, говоря оба сразу.

„А няня не могла отлучиться отъ малышки. Мама просила старую даму, которая была съ нами въ одномъ купѣ, присмотрѣть за нами, но когда старая дама увидала бѣлую крысу, она такъ разсердилась и испугалась, глупая старушка, что на слѣдующей станціи вытѣзла!“

„Бѣлую крысу!“ воскликнула Марія Федоровна; „я терпѣть не могу крысъ! Гдѣ же она?“

„Она гдѣ нибудь у меня на спинѣ подъ курточкой. Гдѣ ты тамъ, маленький плутъ?“ Жоржъ поднялъ руку къ вороту своего костюмчика, откуда выбѣжала маленькая бѣлая крыса съ предлиннымъ хвостомъ и розовыми глазками.

„Ну не красавица-ли она, тетя Маня?“

Марія Федоровна, по спинѣ которой пробѣгала дрожь, отступила на нѣсколько шаговъ.

„Я право не знаю, что дѣлать!“ произнесла она; но тутъ ея вни-

маніе привлекли какіе-то странные звуки, вылетающіе изъ подъ зеленого байкового покрывала. Звуки эти походили на откупориваніе многочисленныхъ бутылокъ.

„Попъ! попъ! попъ! попъ!“ затѣмъ послышался низкій грубый голосъ.

„За здоровье хозяйки! Хипъ! хипъ! Урра!“

„Что же это еще?“ вскричала Марія Федоровна, быстро оборачиваясь.

„А! Это мой плекласный Кокоцка!“ пояснилъ Бобъ. „Онъ умѣетъ говорить много смѣшныхъ словъ и у него самый класивый на свѣтѣ класный хвостъ, и онъ умѣетъ здоловаться за лучку. Возьми его лапку, тетя Маня!“

„Жужка!“ сердито закричала Адя, „если ты не спрячешь свою Мушку въ карманъ, то мой Пушокъ проглотитъ его и съ хвостикомъ!“

„Она влѣзла мнѣ въ рукавъ“, отвѣчалъ Жоржъ, безпокойно съежившись. Я не могу достать ее. Впрочемъ, стой! Я поймалъ ее за хвостъ. Вотъ она! И бѣлая крыса съ визгомъ появляется изъ рукава.

„Жоржъ“, строго сказала Марія Федоровна, „я право не могу и не хочу сидѣть въ экипажѣ съ крысой. Мнѣ придется нанять для тебя извощика“. Затѣмъ, обращаясь къ носильщику, она прибавила: „пожалуйста, наймите для этого молодого человѣка экипажъ и всѣ эти вещи помѣстите съ нимъ. Другихъ дѣтей я возьму въ свой шарабанъ!“

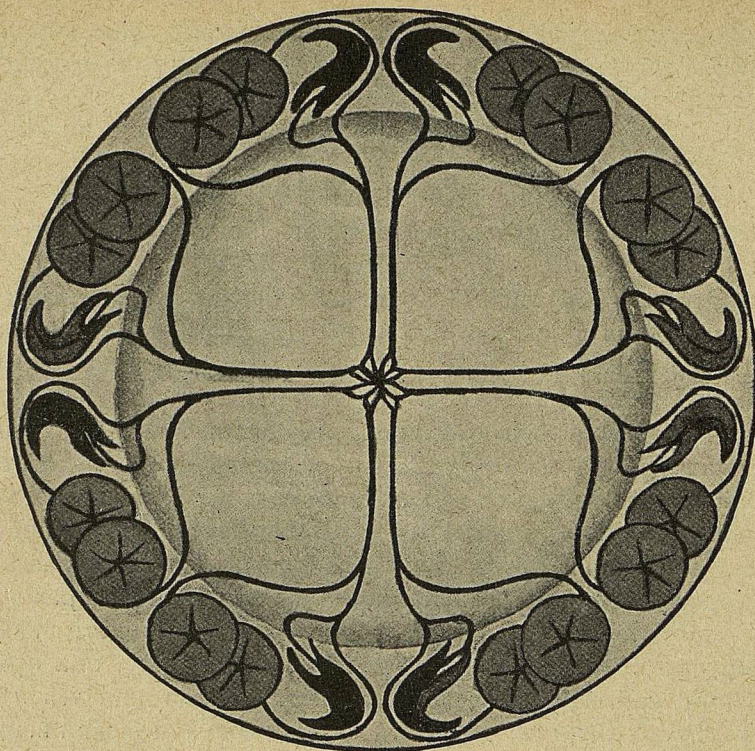
Сдѣлавъ такое мудрое распоряженіе, Марія Федоровна приподняла юбку, взяла Боба за руку и направилась къ выходу.

„Куда поставятъ моего класиваго Кокоцку?“ спросилъ Бобъ, когда Марія Федоровна велѣла ему сѣсть въ шарабанъ. „Я не поѣду, если мой Кокоцка не будетъ сидѣть лядомъ со мной!“ И Бобъ сразу остановился, выпатилъ цѣлый дюймъ нижней губы и глубоко вздохнулъ.

„Носильщикъ!“ позвала Марія Федоровна, не имѣвшая никакого желанія снова услышать Бобинъ крикъ. „Носильщикъ! Пожалуйста, поставьте попкину клѣтку сюда, на переднее сидѣніе!“

Когда клѣтку переставили изъ пролетки въ шарабанъ, то и Бобъ взобрался и сѣлъ рядомъ; Адя со своимъ щенкомъ помѣстилась на предназначенномъ для нея мѣстѣ, а Жоржа и его крысу благополучно усадили на извощика, Марія Федоровна сказала: „Впередъ, Васька!“ и маленькая процессія тронулась подъ пѣніе: „Таррарра-бумбія!“ вырывавшееся изъ подъ зеленого покрывала.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рисунокъ на премію.

Требуется сдѣлать рисунокъ чайной чашки, которая подходила бы къ блюдечку, нарисованному на этой же страницѣ.

Рисунокъ можетъ быть исполненъ карандашемъ, перомъ или краской, но непременно однимъ тономъ.

Срокъ исполненія рисунка 15 сентября 1907 года.

10 лучшихъ рисунковъ будутъ премированы.

1 премія: аппаратъ для выжиганія по дереву, съ руководствомъ.

2 „ наборъ красокъ и принадлежностей для живописи по фарфору, съ руководствомъ.

3 „ фотографическій аппаратъ разм. 6 см. \times 9 см., съ принадлежностями и руководствомъ.

Остальныя 7 премій состоятъ изъ различныхъ терракотовыхъ и гипсовыхъ вещей для раскрашиванія, а также изъ различныхъ пособій при рисованіи.

Фамиліи лицъ, получившихъ преміи, будутъ напечатаны.

Печатается и выйдет въ Августъ с/г.

== НОВАЯ КНИГА: ==

В. И. Поповъ.

Самодѣльный физическій кабинетъ.

Подробное руководство для построения всѣхъ приборовъ при прохожденіи курса физики приблизительно въ объемѣ среднеучебныхъ заведеній.

Многіе приборы конструціи автора были выставлены на кустарной выставкѣ, устроенной Курскимъ земствомъ въ 1904 году, и удостоены большой серебряной медали.

Изданіе автора.

Богато иллюстрировано множествомъ рисунковъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА ВЫШЛА въ СВѢТЪ:

Химія для самообразованія въ == == дешевой домашней лабораторіи.

Часть первая. *Практическія работы.*

Съ предисловіемъ академика Н. Н. Бекетова. М. 1907 г. изд. т-ва И. Д. Сытина. 199 стран. съ 67 рис. ц. 60 к. Иллюстрирована оригинальными рисунками, сдѣланными по фотографіямъ автора съ собственныхъ приборовъ.

Глава I. Какъ получить соль.

„ II. Щелочь и основаніе.

„ III. Дѣйствіе щелочей на соли; отношеніе основаній другъ къ другу.

„ IV. Что такое воздухъ и вода.

„ V. Дѣйствіе кислотъ на соли (отношеніе кислотъ другъ къ другу); дѣйствіе соли на соль.

„ VI. Что такое кислота. Образованіе и разложеніе кислотъ, образованіе воды при реакціяхъ.

„ VII. Амміакъ и азотная кислота.

Прибавленіе. Алфавитный указатель совѣтовъ, рецептовъ и устройство приборовъ.

Переводится на польскій языкъ. Готовится 2-е изд. автора, совершенно перераб. и заново иллюстриров.

СВѢТОПИСЬ

журналъ практической фотографіи и
ея примѣненій.

== Официальный Органъ Саратовскаго и Одесскаго Фотографическихъ Обществъ. ==

Двадцать четыре выпуска въ годъ. ☆ ☆ ☆ Ежемѣсячныя приложенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала (Петровка, № 15), въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи), въ магазинахъ „Художникъ“ (Камергерскій пер.), І. Покорнаго (Петровка), І. Стеффенъ (Столешниковъ пер.), О. Іохимъ и К^о (уг. Рождественки и Софійки), Р. Якобъ (Тверская), Л. Шимборскій (Кузнецкій пер.), „Жакъ“ (Петровка), въ конторѣ Т-ва „Побѣда“ (Новая Басманная) и др.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ магазинѣ І. Стеффенъ, Казанская, 5.

„ **ОДЕССѢ,** въ магазинѣ І. Покорнаго, Еврейская, с. д.

„ **КИЕВѢ,** въ магазинѣ І. Покорнаго, Крещатикъ, 43.

„ **РОСТОВѢ** н/д., въ магазинѣ І. Покорнаго, Садовая, 51.

„ **КАЛУГѢ,** въ фогографіи В. Н. Ченцова

и во всѣхъ лучшихъ складахъ фотографическихъ принадлежностей и книжныхъ магазинахъ.

Члены Обществъ и служащіе казенныхъ и частныхъ учреждений, подписывающіеся чрезъ своихъ назначеевъ, платятъ 2 рубля 50 копѣекъ.

Для ознакомленія съ журналомъ пробный абонементъ
на 1 мѣсяцъ бесплатно.

ПОЧТОВЫЙ АДРЕСЪ:

Въ Москву, журналу „Свѣтопись“,
коммер. ящ. 593.

Редакторъ-Издатель

И. Д. Перепелкинъ.